УДК 342.72/.73; 343.93
DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-3-40-47

Сфера действия института государственной геномной регистрации

Ю. С. Поваров

*Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева
Самара, Россия*

Аннотация

В статье исследуются понятие, цели и основания проведения государственной геномной регистрации в разрезе ограничений сферы применения данного института. Указывая на широкую трактовку законодателем понятия «государственная геномная регистрация», автор вместе с тем раскрывает ключевые направления сужения области использования регистрационного режима (прежде всего, целевого и субъектного плана); при этом обращается внимание на необходимость установления четкого соотношения института государственной геномной регистрации с иными формами учета геномных данных, а также с планируемой геномной паспортизацией человека. Предметом специального анализа становится проблематика целесообразности расширения случаев обязательной геномной регистрации, в том числе выделения т.н. вынужденной регистрации (в качестве разновидности обязательной).

Ключевые слова

обязательная и добровольная государственная геномная регистрация, геномная информация, идентификация личности, геномная паспортизация; дискриминация

Источник финансирования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073

Для цитирования

Поваров Ю. С. Сфера действия института государственной геномной регистрации // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 3. С. 40–47. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-3-40-47

The Scope of State Genomic Registration Institution

Yu. S. Povarov

*Samara National Research University
Samara, Russian Federation*

Abstract

The article explores the concept, goals and foundations of the state genomic registration in the context of the limitations of the scope of this institution. Pointing to the broad interpretation by the legislator of the concept of «state genomic registration», the author reveals the main directions of narrowing of the field of use of the registration mode (first of all, the target and subject plan); this draws attention to the need to establish a clear correlation between the institute of state genomic registration with other forms of accounting for genomic information, as well as the planned human genomic passportisation. The subject of special analysis is the problem of the expansion of cases of compulsory genomic registration, including the expediency of identifying the forced registration (as a type of compulsory registration).

Keywords

compulsory and voluntary state genomic registration, genomic information, personal identification, genomic certification, discrimination

© Ю. С. Поваров, 2019

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 3
Juridical Science and Practice, 2019, vol. 15, no. 3

Funding

The article is prepared with the financial support from the grant of the Russian Federation for Basic Research, project № 18-29-14073

For citation

Povarov Yu. S. The Scope of State Genomic Registration Institution. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 3, p. 40–47. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-3-40-47

Колоссальное (и непрекращающееся) совершенствование геномных, прогеномных и пост-геномных биотехнологий (когда достижения в области генетики «...все агрессивнее распространяются на человека как на объект правки, пытаясь скорректировать его несовершенную природу» [1. С. 94], а «...биомедицина... “наступает” на устоявшиеся правовые институты» [2. С. 70]) настоятельно требует системного правового сопровождения соответствующих процессов, прежде всего, с точки зрения надлежащей охраны прав и свобод человека. Особое место в этом контексте имеет сбалансированная, в частности, учитывающая «право на информационное самоопределение (информационную автономию)» [3. С. 32], или, образно, право на «интимность» своего генетического портрета, регламентация отношений по поводу получения, фиксации и использования геномной информации. Ядро отечественной нормативно-правовой базы на данный счет в настоящее время составляет Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»¹ (далее – Закон о генах), который, по сути, «...создает условия для централизованной кодифицированной регистрации населения...» [4. С. 259] с соблюдением режима конфиденциальности геномной информации, ибо абсолютно понятно, что она «...непосредственно связана с личной и семейной тайной, тайной усыновления, врачебной тайной», а потому «...требует более высокого уровня конфиденциальности» [5. С. 11].

Вообще, государственная геномная регистрация (далее – ГГР) в предметно-содержательном аспекте понимается законодателем в весьма широком смысле – имеется в виду не сугубо регистрационно-учетная деятельность (хотя ГГР и сопряжена с формированием и ведением федеральной базы данных геномной информации), а деятельность, осуществляемая уполномоченными государственными органами и учреждениями:

- во-первых, по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала (который составляют содержащие геномную информацию ткани и выделения человека или тела (останков) умершего человека, например, образцы крови, слюны, волосы);
- во-вторых, по обработке геномной информации, при том, что такая обработка выражается в совершении разноплановых действий (операций), включая получение (сбор), систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование, распространение (в том числе передачу) и уничтожение геномной информации (см. ст. 1 Закона о генах).

Любопытно, что изначально в проекте Закона о генах № 63580-5 (далее – Законопроект) ГГР определялась несколько иначе (причем уже): не упоминалось о передаче биоматериала; кроме того, обработке геномной информации придавался статус цели, а не компонента ГГР.

Несмотря на подобное «масштабирование» института ГГР (влекущее, кстати, нетипичность обсуждаемого регистрационного режима в сравнении с иными видами государственной регистрации – с точки зрения юридического значения и контента регистрационных действий и т. д.), наличествуют существенные ограничения сферы его действия, преимущественно целевого (функционального) и субъектного толка.

Краеугольным рестриктивным моментом оказывается целевое обоснование ГГР. Оно производится законодателем «ступенчато» (что само по себе ущербным не кажется).

¹ СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

Во-первых, в качестве целей ГГР в РФ объявляется идентификация личности человека (ст. 2 Закона о генах)², что, с одной стороны, вполне объяснимо, поскольку «...с помощью методов анализа ДНК практически достижима беспрецедентно высокая для исследования объектов биологического происхождения степень достоверности идентификации – на уровне индивидуализации» [6. С. 41], тем более что возможности фальсификации человеческого ДНК близки к нулю, но, с другой стороны, конечно, серьезно ограничивает возможности в части использования данных, полученных в результате ГГР.

Во-вторых, имеет место детализация обозначенной «мегацели» (или, как нередко указывается в науке, конечной цели [7]) посредством закрепления исчерпывающего (!) перечня целей использования полученной в рамках ГГР (и обязательной, и добровольной!) геномной информации, к каковым Закон о генах (ч. 2 ст. 14) причисляет:

а) предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а равно выявление и установление лиц, их совершивших (общепризнанно, что «...метод ДНК-анализа является эффективным в деятельности правоохранительных органов, учет ДНК помогает установить виновных в совершении преступлений прошлых лет» [8. С. 29], но, как точно заключает Е. Буркова, «геномные исследования и экспертизы... не являются панацеей для всех видов преступности: геномная информация практически не применяется в раскрытии и расследовании экономических, налоговых, коррупционных преступлений» [9. С. 6]);

б) розыск пропавших без вести граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории России;

в) установление личности человека, чей труп не опознан иными («традиционными») способами;

г) установление родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц.

Таким образом, главный акцент в Законе о генах делается на «криминалистическо-криминологическом целеполагании» ГГР, на что, впрочем, прямо указывалось и в пояснительной записке к Законопроекту (среди прочего, в ней заявлялось о необходимости формирования юридической платформы идентификации личности методом ДНК-анализа в целях повышения эффективности борьбы с преступностью, установления по неопознанным трупам личности человека, розыска пропавших без вести граждан и подчеркивалось, что проведение ГГР будет служить сдерживающим фактором для лиц, склонных к совершению преступлений, а значит, иметь профилактическое значение); тем самым фактически речь, в основном, идет о новом виде криминалистической регистрации, дополняющем дактилоскопическую (не случайно, что формирование и ведение федеральной базы данных геномной информации проводятся под эгидой МВД РФ).

Другим ограничительным фактором (тесно перекликающимся с первым) является сильное сужение круга субъектов, осуществляющих регистрационную деятельность и использующих геномную информацию.

Во-первых, ГГР производится не любыми, а только государственными органами и учреждениями (см. ст. 1, ч. 2 ст. 10, ст. 18 Закона о генах), что явно корреспондирует легальной квалификации геномной регистрации в качестве государственной.

Во-вторых, носителями права (!) на использование геномной информации объявляются лишь судебные и правоохранительные инстанции – суды, органы предварительного следствия, органы дознания и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ч. 1 ст. 15 Закона о генах).

В свете изложенного и с учетом отсутствия указаний о запрете «работы» с геномной информацией вне режима ГГР крайне актуальным оказывается вопрос о системном нормирова-

² В Законопроекте, заметим, «целевая составляющая» ГГР описывалась несколько иначе: оговаривалось, что такая регистрация проводится для идентификации личности человека *в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства* (т.е. степень абстрагирования целей ГГР в финальной редакции закона была значительно «снижена»).

нии (в том числе исходя из наличия иных, помимо Закона о генах, нормативных правовых актов, так или иначе касающихся получения человеческого биоматериала в целях сбора и обработки геномной информации³) не подпадающих под действие Закона о генах отношений (например, в связи с проведением геномных исследований негосударственными организациями). Так, И. О. Перепечина резонно обособляет в качестве самостоятельной задачи (не взирая на принятие Закона о генах) правовое регулирование экспертной деятельности в области ДНК-идентификации вне создания системы генетических учетов [6. С. 43–44].

Очевидно, регистрационный режим в области геномных исследований не будет носить всеобъемлющий характер. Однако важным при таком подходе видится эксплицитное определение правил, которыми надлежит руководствоваться в соответствующей ситуации, чему, среди прочего, может способствовать четкая и непротиворечивая «взаимоувязка» нормативно-правовых актов (к примеру, посредством использования приема перекрестных отсылок друг к другу), в том числе с Законом о генах, ибо, по справедливой мысли Г. Б. Романовского, «...он создает основу для формирования баз генетических данных, и в любом случае именно от него будет складываться дальнейшая правотворческая политика в данной сфере» [10. С. 60]. Одной из базовых задач при этом является ясное сопряжение (установление соотношения) института ГТР с иными формами учета геномной информации (например, при осуществлении пограничного контроля может происходить сбор биологического материала и его исследование в целях получения геномной информации, с формированием и ведением соответствующим подразделением ФСБ России информационной системы учета геномной информации⁴, а не федеральной базы данных геномной информации), а также планируемой геномной паспортизацией человека, одним из ожидаемых результатов которой должны стать национальные базы данных геномной информации (см. п. 7 разд. 3 утвержденного Председателем Правительства РФ 3 января 2014 г. Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵).

Кроме того, потенциальным механизмом устранения выявленной пробельности является «вовлечение» в зону действия Закона о генах иных отношений с полным или усеченным распространением на них норм о ГТР (относительно алгоритма действий, призванных обеспечить конфиденциальность полученных данных, требований к даче добровольного информированного согласия и пр.). Это, в свою очередь, может предполагать комплексное уточнение (пересмотр) законоположений, в том числе:

1) о *целях геномной регистрации*; наверное, правы О. В. Романовская и Г. В. Романовский, заявляющие о том, что «...законодателю еще придется внести изменения в Закон... чтобы расширить предмет его действия. В этом случае он будет иметь не только криминологическую, а и иные цели...» [11. С. 44]. Сказанное, пожалуй, особенно приложимо к добровольной ГТР, принимая во внимание возможность уничтожения полученных геномных данных в любое время в заявительном порядке (см. ч. 2 ст. 16 Закона о генах); попутно отметим, что предписания о субъектах подачи соответствующего заявления нуждаются в редакционной корректировке – из закона, полагаем, должна однозначно усматриваться неправомерность обращения «бывших» законных представителей с требованием об уничтожении геномной информации в отношении граждан, прошедших добровольную ГТР в отрезок времени, когда они не обладали полной дееспособностью;

³ Например, вопросы генодиагностики и генотерапии (главным образом, «технологической» направленности) частично охватываются Федеральным законом от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348 (с послед. изм. и доп.)).

⁴ См.: Приказ ФСБ России от 16 декабря 2016 г. № 771 «Об утверждении Порядка получения, учета, хранения, классификации, использования, выдачи и уничтожения биометрических персональных данных об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, позволяющих установить его личность, получения биологического материала и осуществления обработки геномной информации в рамках осуществления пограничного контроля» // Рос. газета. 2017, 10 февр. № 30.

⁵ URL: <http://www.government.ru>.

2) о субъектах осуществления геномной регистрации; согласимся здесь с выдвигаемым в науке выводом об уместности установления общего запрета на сбор, обработку, распространение и хранение генетической информации немедицинскими организациями [10. С. 61];

3) об основаниях и видах геномной регистрации. Так, предметом острой дискуссии продолжает оставаться аспект расширения случаев осуществления обязательной ГГР. Напомним, что добровольность ГГР не является строгой максимой – ГГР фундируется на принципе сочетания добровольности и обязательности (ч. 1 ст. 3 Закона о генах)⁶; в развитие данного основного начала Закон о генах делит ГГР на добровольную и обязательную (см. ст. 6).

Закон о генах в ст. 7 содержит замкнутый (что представляется совершенно справедливым) перечень случаев обязательной ГГР. Сейчас ей подлежат:

а) лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений⁷, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (следовательно, осужденные за преступления сексуального характера проходят обязательную ГГР безотносительно тяжести преступления).

Правовым основанием для проведения обязательной ГГР названных лиц служит вступивший в законную силу приговор суда, в силу которого физическое лицо признано виновным в совершении соответствующего преступления и направлено для отбывания наказания в учреждение, исполняющее уголовные наказания (п. 3 Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы, утв. постановлением Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828⁸);

б) неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий (что, в частности, в немалой степени повышает их эффективность);

в) неопознанные трупы (что особенно значимо в ракурсе обеспечения реальных предположений последующей идентификации личности).

Между тем, в некоторых зарубежных странах «в базы данных ДНК ряда стран подлежат помещению образцы... и подозреваемых, а также лиц, совершивших административные правонарушения» [12. С. 34]. В отечественной литературе также высказываются соображения в пользу дополнения исследуемого списка: в частности, по небеспопеченному мнению О. Н. Надоненко, дабы имела возможность сравнения образцов ДНК с геномной информацией позднее обнаруженных трупов, «...следует разрешить постановку на учет геномной информации родственников без вести пропавших и самих безвестно пропавших граждан» (с параллельным введением четкого механизма хранения и использования информации) [12. С. 35]; А. С. Лукомская аргументированно пишет об адекватности обязательной генетической регистрации новорожденных детей и женщин в целях выявления, раскрытия и предупреждения совершения убийства матерью новорожденного ребенка [13. С. 93–94].

Сверх того, звучат предложения о *всеобщей* геномной регистрации. К примеру, С. М. Колотушкин и В. А. Егельский настаивают на необходимости в перспективе (принимая в расчет трудоемкость и затратность геномного учета и т. п.) обязательной геномной регистрации (как специальном виде биометрической регистрации, наряду с дактилоскопированием и цифровым фотографированием) граждан РФ и лиц, прибывающих на ее территорию, что будет знаменовать, по словам ученых, «...качественно новый уровень обеспечения безопасности государства...» [14. С. 23]; А. И. Трусов, констатируя, что в текущий период обязательная ГГР не затрагивает законопослушных граждан РФ, полагает приемлемым расширение круга

⁶ Интересно, что Законопроект вообще не упоминал о данном принципе.

⁷ Между тем, обоснованность такого «универсального» подхода, в частности, применительно к случаям совершения преступлений в сфере экономической деятельности, небесспорна, на что обращалось внимание и при обсуждении Законопроекта (см., например, заключение Комитета ГД ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству от 24 июня 2008 г.).

⁸ СЗ РФ. 2011. № 42. Ст. 5926.

подлежащих регистрации лиц, «...предусмотрев ее для всех лиц, находящихся на территории нашей страны...» [15. С. 24].

Востребованным считаем и обсуждение проблематики введения института так называемой «вынужденной» регистрации (как подвида обязательной ГТР), когда при наличии определенных обстоятельств лицо не может допускаться к осуществлению какой-либо деятельности (по соображениям обеспечения безопасности самого «испытуемого» и лиц, к которым он «причастен» при осуществлении трудовой деятельности, и др.) без прохождения геномной регистрации. Разумеется, речь в данном случае не может идти о дискриминации по признаку генетических характеристик (на что рационально нацеливают многие международно-правовые акты, провозглашающие исключительно недискриминационный характер целей использования генетических данных⁹), включая трудовую сегрегацию.

Список литературы

1. **Романовский Г. Б.** Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // *Lex russica*. 2016. № 7. С. 93–102.
2. **Воронина И. А., Савощикова Е. В., Саблин Д. А.** Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь // *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 9. С. 67–70.
3. **Кучеренко А. В.** Этапы и тенденции нормативно-правового регулирования оборота персональных данных в Российской Федерации // *Информационное право*. 2009. № 4. С. 32–36.
4. **Сафонов А. А., Курин А. А., Варченко И. А.** Закон принят, а нужна ли России геномная регистрация и каковы перспективы ее использования? // *Общество и право*. 2009. № 5. С. 259–262.
5. **Камалова Г. Г.** Биометрические персональные данные: определение и сущность // *Информационное право*. 2016. № 3. С. 8–12.
6. **Перепечина И. О.** Правовое обеспечение судебной ДНК-идентификации в контексте защиты прав личности // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2008. № 11. С. 41–46.
7. Комментарий к Федеральному закону от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (постатейный) / Отв. ред. Е. Н. Холопова // СПС «КонсультантПлюс», 2016.
8. **Романюк Д. А.** Перспективы использования геномной регистрации в Республике Беларусь при расследовании преступлений прошлых лет // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2014. № 5. С. 28–30.
9. **Буркова Е.** Геномная регистрация в помощь // *ЭЖ-Юрист*. 2013. № 38. С. 6.
10. **Романовский Г. Б.** Правовое регулирование медицинских инновационных технологий в Российской Федерации: проблемы и перспективы // *Российская юстиция*. 2016. № 10. С. 59–62.
11. **Романовская О. В., Романовский Г. Б.** Правовое регулирование геномной регистрации в Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2013. № 8. С. 43–46.
12. **Надоненко О. Н.** Особенности реализации федеральной программы геномной регистрации // *Юридический мир*. 2015. № 1. С. 33–36.
13. **Лукомская А. С.** К вопросу о государственной геномной регистрации // *Вестник Оренбург. гос. ун-та*. 2012. № 3 (139). С. 92–94.

⁹ См., например, ст. 6 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры 11 ноября 1997 г., и ст. 7 Международной декларации о генетических данных человека, принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 октября 2003 г. (URL: http://www.un.org/ru/documents/dekl_conv/).

14. Колотушкин С. М., Егельский В. А. К вопросу о технологии создания системы всеобщей обязательной биометрической регистрации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 22–24.
15. Трусов А. И. Установление личности гражданина Российской Федерации, совершившего правонарушение // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 22–25.

References

1. Romanovskiy G. B. Pravovoye regulirovaniye geneticheskikh issledovaniy v Rossii i za rubezhom [Legal regulation of genetic research in Russia and abroad]. *Lex Russica*, 2016, no. 7, p. 93–102. (in Russ.)
2. Voronina I. A., Savoshchikova E. V., Sablin D. A. Integratsiya biomeditsiny i bioetiki v pravovoye prostranstvo kak osnova okhrany i zashchity prav grazhdan na zdorov'ye i meditsinskuyu pomoshch' [Integration of biomedicine and bioethics into the legal space as the basis for the protection and protection of citizens' rights to health and medical care]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2018, no. 9, p. 67–70. (in Russ.)
3. Kucherenko A. V. Etap i tendentsii normativno-pravovogo regulirovaniya personal'nykh dannykh v Rossiyskoy Federatsii [Stages and trends of legal regulation of personal data turnover in the Russian Federation]. *Informatsionnoye pravo*, 2009, no. 4, p. 32–36. (in Russ.)
4. Safonov A. A., Kurin A. A., Varchenko I. A. Zakon prinyat, a nuzhna li rossii genomnaya registratsiya i kakovy perspektivy yeye ispol'zovaniya? [The law has been passed, but does Russia need genomic registration and what are the prospects for its use?] *Obshchestvo i pravo*, 2009, no. 5, p. 259–262. (in Russ.)
5. Kamalova G. G. Biometricheskiye personal'nyye dannyye: opredeleniye i sushchnost' [Biometric personal data: definition and essence]. *Informatsionnoye pravo*, 2016, no. 3, p. 8–12. (in Russ.)
6. Perepechina I. O. Pravovoye obespecheniye sudebnoy sistemy DNK- identifikatsii v kontekste zashchity prav lichnosti [Legal support of judicial DNA identification in the context of the protection of individual rights]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*, 2008, no. 11, p. 41–46. (in Russ.)
7. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 3 dekabrya 2008 g. № 242-FZ «O gosudarstvennoy genomnoy registratsii v Rossiyskoy Federatsii» (postateyny). [Commentary to the Federal Law «On the State Genomic Registration in the Russian Federation»]. Ed. by E. N. Kholopova. SPS «KonsultantPlyus», 2016. (in Russ.)
8. Romanyuk D. A. Perspektivy ispol'zovaniya genomnoy registratsii v Respublike Belarus' pri rassledovanii prestupleniy proshlykh let [Prospects for the use of genomic registration in the Republic of Belarus in the investigation of crimes of past years]. *Mezhdunarodnoye ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2014, no. 5, p. 28–30. (in Russ.)
9. Burkova E. Genomnaya registratsiya v pomoshch' [Genomic registration to help]. *EZH-Yurist*, 2013, no. 38, p. 6. (in Russ.)
10. Romanovskiy G. B. Pravovoye regulirovaniye meditsinskikh innovatsionnykh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy [Legal regulation of medical innovation technologies in the Russian Federation: problems and prospects]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2016, no. 10, p. 59–62. (in Russ.)
11. Romanovskaya O. V., Romanovskiy G. B. Pravovoye regulirovaniye genomnoy registratsii v Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of genomic registration in the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 8, p. 43–46. (in Russ.)
12. Nadonenko O. N. Osobennosti realizatsii federal'noy programmy genomnoy registratsii [Features of the implementation of the federal genomic registration program]. *Yuridicheskoy mir*, 2015, no. 1, p. 33–36. (in Russ.)

13. **Lukomskaya A. S.** K voprosu o gosudarstvennoy genomnoy registratsii [On the issue of state genomic registration]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 3 (139), p. 92–94. (in Russ.)
14. **Kolotushkin S. M., Yegel'skiy V. A.** K voprosu o tekhnologiyakh sozdaniya sistemy vseobshchey obyazatel'noy biometricheskoy registratsii v Rossii [On the issue of technology for creating a system of universal mandatory biometric registration in Russia]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye*, 2016, no. 2, p. 22–24. (in Russ.)
15. **Trusov A. I.** Ustanovleniye lichnosti grazhdanina Rossiyskoy Federatsii, sovershivshogo pravonarusheniye [Identification of the identity of a citizen of the Russian Federation who committed an offense]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2016, no. 9, p. 22–25. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

24.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Поваров Юрий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Московское шоссе, 34, Самара, 443086, Россия)

Yuri S. Povarov, PhD in Law, Associate Professor, Samara National Research University named after Academician S. P. Koroleva (34 Moscow Highway, Samara, 443086, Russian Federation)
povus@mail.ru